

**ROSA
LUXEMBURG
STIFTUNG**
CENTRAL ASIA

ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФОНДА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей международной конференции
«Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития»
4-5 декабря 2023 года, г. Алматы

Алматы, 2023

УДК 327 (5)
ББК 66.4 (5)
И26

Ответственный редактор-составитель: Черных И.А. – д. и. н., профессор, проектный менеджер Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

И26 Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития. Сборник статей международной конференции (Алматы, 4–5 декабря 2023 г./ Отв. редактор И. А. Черных. – Алматы: Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии, 2023. – 236 с.

ISBN 978-601-08-3691-4

Данный сборник подготовлен на основе докладов участников региональной конференции «Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития» (4–5 декабря 2023 года, г. Алматы), организованной Представительством Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

Сборник посвящен широкому кругу вопросов, связанных с анализом трендов и траекторий идентификации в странах Центральной Азии: перспективам формирования региональной идентичности и позиционированию региона в международном сообществе, соотношению локальных и национальных идентичностей, светскости и религиозности в современных обществах; развитию новых коллективных идентичностей, их видимости и значимости в социально-политическом поле; а также дискурсу деколонизации и его влиянию на идентификационные процессы в странах региона. Большинство статей, опубликованных в сборнике, основываются на данных прикладных политико-социологических исследований, реализованных их авторами – исследователями из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Сборник статей рассчитан как на специалистов в сфере изучения идентичности и идентификационных процессов в странах Центральной Азии, так и на широкую читательскую аудиторию, нацеленную на понимание происходящих социальных процессов в регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с позицией Фонда Розы Люксембург.

The collection of materials consists of the contributions of the participants of the International Conference «Identification in Central Asian Countries: Trajectories of Development» (4–5 December 2023, Almaty, Kazakhstan), organized by the Representative Office of the Rosa Luxemburg Stiftung in Central Asia.

The collection of conference materials covers a wide range of issues related to the analysis of trends and identification of trajectories in Central Asian countries, in particular, prospects of regional identity formation and positioning of the region in the international community, correlation between local and national identities, secularism and religiosity in contemporary Central Asian societies; development of new collective identities, their visibility and significance in the socio-political field; discourse of decolonization and its impact on identification processes in Central Asian countries.

Most of the articles in the collection are based on the data of applied political and sociological research conducted by their authors – researchers from Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan.

The collection of articles is intended both for specialists in the field of identity and identification processes in the countries of Central Asia, and for a wider readership interested in understanding the ongoing social processes in the region. The opinion of the authors of the articles may not coincide with the position of the Rosa Luxemburg Stiftung.

УДК 327 (5)
ББК 66.4 (5)

ISBN 978-601-08-3691-4

© Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Черных И. Введение.....	7
ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ	
Илеуова Г. Динамика идентификационных процессов как индикатор состояния общества.....	12
Махмудов Р. Центральная Азия перед вызовом современной идентификационной динамики.....	18
Кайым С. Конструирование идентичности в цифровую эпоху: паттерны самовыражения казахстанской молодежи в TikTok.....	32
ЗА ПРЕДЕЛАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО: РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	
Мураталиева Н. Роль международных организаций и форматов в траектории идентификационных процессов Центральной Азии.....	40
Хакимов У. Напряженность между регионализмом и национализмом: как национальные интересы стран влияют на процессы регионализации в Центральной Азии.....	52
Ни М., Вилейкис А. Эффекты дистанционного национализма в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии в Южной Корее.....	61
Гусейнов Э. Мягкая сила Германии в Казахстане: влияние на идентичность и миграционную динамику в Центральной Азии.....	72
ЭТНИЧЕСКОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ	
Джамангулов К. Тенденции развития социальных идентичностей в Кыргызской Республике.....	84
Алимджанов Б. Узбек или узбекистанец: к вопросу о политической идентичности.....	94
Ризоён Ш. Нацстроительство и общегражданская идентичность в Таджикистане.....	101
Волкова Т. Определение маркеров этнической идентичности казахстанских немцев.....	110

ДИСКУРС ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИФИКАЦИЮ

Каратаева Л. Дискурс деколонизации в Казахстане: специфические особенности и проблемные зоны 122

Махмудова Л. Колониальность гендера в репрезентации домашнего насилия в трех казахстанских документальных фильмах как продуктах знаний сектора развития 133

Тен А., Семенов Ф. Публичные дискурсы и порядки идентичностей: казахстанское общество в контексте войны в Украине 147

Решетняк А. Будущее профилактики насильственного экстремизма в Казахстане: между «лучшими практиками» и курсом на деколонизацию..... 161

ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНСОЛИДАЦИЯ И ФРАГМЕНТАЦИЯ

Шаповал Ю. Женская мусульманская идентичность в современном Казахстане: типы и стратегии идентификации 173

Илеуова Г. Религиозное сознание и практики городов Казахстана 188

Коспанов Р. Религиозная идентификация в казахстанских городах: практики и ценности горожан 199

Мингишева Н. Глобализация, медиа и гендерная идентичность казахстанской молодежи 212

Тустикбай Н. Политическая идеология и непрерывность неравенства в Казахстане после января 2022 года.....223

ВВЕДЕНИЕ

Идентификационные процессы в странах Центральной Азии получили новый импульс в конце 1980-х – начале 1990-х годов в связи с образованием в регионе новых независимых государств. Возникла необходимость поиска и формулирования новых смыслов, определяющих процесс формирования национальной идентичности. В фокусе политического дискурса стран Центральной Азии актуализировались как категории «государство» и «нация», так и вопросы национальной истории и памяти, развития национальных языков и их соотношение с русским языком, формирование новых государственных символов и их смыслового наполнения. Дополнительно к доминировавшим в Советском Союзе экономическим (классовым) и этническим линиям идентификации формируются новые или усиливаются ранее слабые вектора, такие как идентификация по месту жительства, по уровню урбанизации, по степени вписанности в традиционную культуру или культуру модерна, принадлежности к той или иной конфессии и степени религиозности, относительно принятия или непринятия новых идеологий и ценностей, принадлежности к тому или иному поколению и т. д. Можно утверждать, что изменение социальной структуры, вызванное трансформацией модели государственного строительства в постсоветский период, привело к усложнению идентификационной матрицы, существующей в странах Центральной Азии. Таким образом, строительство государств Центральной Азии тесно переплелось с поиском, формированием и развитием самых разнообразных идентификационных моделей.

Современные центральноазиатские общества характеризуются достаточно высоким уровнем фрагментации, когда каждая социальная группа – этническая, конфессиональная, статусная, демографическая, корпоративная, территориальная и т.д. – выступает как один из множества центров формирования идентичностей, которые конкурируют между собой и стремятся к доминированию в обществе, зачастую принуждая других следовать своей идентификационной повестке. Политика идентичности, навязываемая одними группами другим, является серьезным фактором напряженности и может спровоцировать конфликты на разных уровнях. В этой связи ключевыми становятся вопросы, касающиеся траекторий идентификационных процессов в странах Центральной Азии.

Каковы современные тренды и траектории идентификационных процессов в странах Центральной Азии? Какие новые коллективные идентичности формируются сегодня в странах региона, степень их значимости в социально-политическом поле? Как соотносятся нациестроительство в странах Центральной Азии и поиск национальной идентичности, с одной стороны, и субнациональные и наднациональные идентичности? Какова степень идентификационной связанности современных центральноазиатских обществ, основные линии консолидации и разрыва? Каково соотношение гражданского и этнического, светскости и религиозности в современных центральноазиатских обществах? Можно ли говорить о возможности региональной идентичности в Центральной Азии? Что важнее для того или иного социума – глобальные процессы или локальность? Как влияет дискурс деколонизации на идентификацию в странах региона? Эти и другие вопросы, обсуждавшиеся экспертами из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в рамках международной конференции «Идентификация в странах Центральной Азии: траектории развития» (4-5 декабря 2023 год, г. Алматы), нашли свое освещение на страницах данной публикации.

Сборник включает в себя пять разделов. Логика их выделения – от общих, глобальных и региональных вопросов, к вопросам более конкретным и локальным.

В статьях, включенных в первый раздел, делается попытка зафиксировать основные идентификационные тренды в странах Центральной Азии. Гульмира Илеуова рассматривает динамику идентификационных процессов и соответствующих трансформаций в Казахстане в 2000-х годах. Определяя идентификацию как индикатор состояния общества, она ставит такие вопросы, как «Зачем мы постоянно поднимаем тему с “идентичностью”?», «На какой объяснительный потенциал этой темы рассчитываем?», «Не преувеличиваем ли мы ее значение?». Рустам Махмудов фокусируется на проблеме вхождения в культурное пространство Центральной Азии идентификационных конструктов, сформировавшихся в других культурно-цивилизационных пространствах, в частности – либерально-демократических установок. Опираясь на идеи теории новой институциональной экономики и теории ассамбляжей Мануэля Деланды, он описывает идентичность как институт, степень эффективности усвоения и продолжительности функционирования которого зависит от его потенциала максимизации материальных и психологических дивидендов. Сұлтанбек

Қайым, беря в качестве примера поведение молодых казахстанцев в сети TikTok, останавливается на особенностях конструирования идентичностей в «цифровую эпоху» с доминированием виртуальных взаимодействий.

Второй раздел сборника составляют работы, рассматривающие наднациональные идентификационные процессы, которые выводят идентификации за государственные границы стран Центральной Азии. Наргиза Мураталиева рассматривает, как на идентификационные процессы в Центральной Азии влияют межрегиональные организации, такие как ЕАЭС, ОТГ и ШОС, а также консультативные встречи глав государств стран Центральной Азии. Целью этого анализа является определение, какие идентификационные траектории продвигают данные организации. Умед Хакимов анализирует линии напряженности между национальными проектами, реализуемыми в странах Центральной Азии, и идеей центральноазиатского регионализма. В фокусе внимания Максима Ни и Александра Вилейкиса находится «дистанционный национализм» и его влияние на идентификационные процессы и социально-экономические практики трудовых мигрантов из Центральной Азии в Южной Корее. На основе рассмотрения различных паттернов поведения мигрантов, определяемых этнической и гражданской идентичностью, а также базовым социальным статусом, показывается, что инокультурная среда и общий опыт трудовой миграции может стать основой для новой идентификации и солидарности, преодолевающей «естественные» категориальные границы. Эльданиз Гусейнов, опираясь на идеи неограмшизма, анализирует влияние «мягкой силы» Германии на идентификационные и миграционные процессы в Казахстане.

В центре внимания статей, включенных в третий раздел, находятся измерения, «традиционные» для анализа идентичностей в Центральной Азии: этническое и гражданское. Кайратбек Джамангулов рассматривает основные тенденции идентификационных процессов в Кыргызстане с точки зрения формирования здесь гражданской идентичности как стержня межэтнической интеграции. В центре внимания Бахтиёра Алимджанова – сложности формирования политической идентичности («узбекистанец») в Узбекистане. Шерали Ризоён фокусируется на вопросах нациестроительства в Таджикистане и формирования в этой стране гражданской идентичности. Тамара Волкова рассматривает особенности идентификации казахстанских немцев и ее ключевые маркеры.

Четвертый раздел посвящен одной из современных тенденций – влиянию на идентификационные процессы в странах Центральной Азии дискурса деколонизации. Общий обзор особенностей дискурса деколонизации дается в статье Леси Каратаевой, где указывается, что казахстанский дискурс деколонизации характеризуется отсутствием четко очерченного категориального аппарата, слабостью академического и официального дискурсов, доминантой десоветизации и дерусификации. В центре внимания Лейлы Зулейхи Махмудовой – колониальность гендера в репрезентации домашнего насилия в ряде казахстанских документальных фильмах. В статье утверждается, что колониальное восприятие проблемы со стороны авторов анализируемых фильмов и структурное неравенство в распределении ресурсов способствуют дискурсивным ошибкам в повествованиях о домашнем насилии и изображении как жертв, так и виновных. Александр Тен и Филипп Семенов, опираясь на идеи социологии знания, исследуют то, как противостоящие дискурсы в Казахстане на фоне войны в Украине (де)проблематизируют идентичности, стремясь утвердить в качестве «легитимного» только свой собственный порядок идентичностей. В таком порядке определяются статусы и роли казахов и не-казахов в казахстанском обществе и, как следствие, специфические отношения власти между ними. Анастасия Решетняк рассматривает, в какой степени «внешние» идеологические установки определяют политику и практики профилактики и предотвращения насильственного экстремизма в Казахстане, и как здесь преломляются постсоветский колониализм и неоколониальная рамка «войны против исламизма».

Фокусом пятого раздела является вопрос взаимодействия локальных идентичностей и влияние этого процесса на консолидацию или фрагментацию обществ. Юлия Шаповал анализирует особенности женской мусульманской идентичности в Казахстане, в первую очередь – особенности идентификационных практик «новых» мусульманок. Гульмира Илеуова представляет анализ особенностей религиозного сознания и религиозных практик городского населения Казахстана. В статье показывается степень влияния на эти практики таких параметров, как уровень дохода, образования и возраст. Теме религиозной идентификации жителей казахстанских городов посвящена и статья Расула Коспанова, который акцентирует свое внимание на практиках и ценностях горожан. Особое внимание уделяется тому, как статус города может влиять на религиозную идентификацию горожан. Назгуль Мингишева рассматривает то, как на идентификацию казахстанской молодежи влияют глобализация

и медиа потребление. Нуржан Тустикбай делает акцент на социально-экономической составляющей идентификационных процессов, прежде всего – на вопросах неравенства.

Высказанные авторами сборника мнения и оценки могут не совпадать с позицией Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии. Многие позиции могут быть восприняты как спорные. Однако мы считаем, что в ситуации активного процесса поиска идентичности различными социальными группами, это – нормально. Поскольку здесь главное – наладить диалог и дать право высказать свою аргументированную позицию любому специалисту. В этой связи хотелось бы акцентировать, что большинство статей сборника написаны на основе данных прикладных социологических и политологических исследований, что усиливает их аргументационную базу. Авторы надеются, что представленные работы и идеи могут послужить отправной точкой дальнейших дискуссий и исследований.

Рустам Махмудов,
 Доцент Университета Мировой
 Экономики и Дипломатии, ведущий
 научный сотрудник Института
 перспективных международных
 исследований, Узбекистан

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос вхождения и функционирования в культурном пространстве Центральной Азии идентификационных конструктов, сформировавшихся в других культурно-цивилизационных пространствах. Особое внимание обращено на такие идентичности, как идентичность «свободного мира» как продукта эпохи однополярного мира с центром в США, эмиратский, саудовский и турецкий идентификационные конструкты, зародившиеся на Ближнем Востоке и в Малой Азии. Их эффективное закрепление в регионе объясняется посредством анализа природы и структуры феномена идентичности. В качестве научного инструментария привлечены положения теории новой институциональной экономики и теории ассамбляжей Мануэля Деланды как одной из версий плоских онтологий. Все это позволило описать идентичность как институт, степень эффективности усвоения и продолжительности функционирования которого зависит от его потенциала максимизации материальных и психологических дивидендов. Положения плоской онтологии в свою очередь позволили описать структуру идентичности как ассамбляж, в котором части и целостности обладают равной реальностью в отличие от бесшовных тотальностей систем, построенных на метафоре организма.

Ключевые слова: *Центральная Азия, идентичность, институты, максимизация дивидендов, ассамбляж, бесшовная тотальность, интериорность, экстериорность, территориязация, детерриториязация, синтез, симбиоз, идентификационный ассамбляж*

Проблема формирования идентичностей в современной Центральной Азии представляет собой не просто научный интерес, а вопрос

экзистенциальной важности для стран региона, поскольку напрямую затрагивает практически все сферы их социально-политической жизни, учитывая наблюдаемые глобальные трансформации и продолжающееся вторжение в регион внешних идентификационных конструктов.

Идентичность – это то, как и каким образом человек имеет дело с окружающим его миром, интерпретирует события, с которыми он сталкивается, и строит свою собственную реальность. Однако сложность вопроса идентичности заключается в том, что этот феномен постоянно стремится ускользнуть от исчерпывающего научного определения, поскольку в случае с идентичностью мы имеем дело с частным проявлением проблемы контингентности в теории познания. Тем не менее, попробуем проанализировать вопрос идентичности, опираясь на синтез некоторых положений новой институциональной экономики и плоских онтологий.

Идентичность как социально-экономический институт

Традиционно идентификационный ландшафт в Центральной Азии описывается в рамках исторически сложившихся идентификационных конструктов, таких как этническая, языковая и религиозная близость или общность народов региона. Однако, было бы неверным ограничивать вопрос идентичности только этими конструктами. Центральная Азия сегодня существует в рамках глобального информационного пространства и глобального рынка, что серьезно повышает идентификационную динамику в странах региона. Это, в свою очередь, означает, что традиционные идентификационные конструкты или становятся объектом трансформационного воздействия, или образуют комбинации с вновь возникающими идентичностями. В этой связи представляется необходимым прояснить, как нами понимается идентичность.

В первую очередь, нужно отметить такой момент, как тесная связь идентичности с индивидуальными и групповыми ментальными конструкциями. Как отмечал лауреат премии Альфреда Нобеля по экономике Дуглас Норт, «люди воспринимают внешний мир путем переработки информации с помощью предсуществующих ментальных конструкций, обеспечивающих понимание окружающего и решение возникающих проблем» [1].

Идентичность, насколько устойчивой она бы не была, это все-таки конструкт, продукт социального, политического и экономического конструирования. При этом, идентичность, будучи конструктом, превращается в процессе ее введения и укоренения в социальной среде в «институт», который встраивается в имеющуюся в социуме систему институтов.

Для понимания природы «института» воспользуемся определением, которое дается в теории новой институциональной экономики. Институты в ней понимаются как «набор правил, процедура соответствий, моральное и этическое поведение индивидуумов в интересах максимизации богатства» [1].

Применительно к идентичности как институту «богатство» можно понимать шире, не только как экономическое понятие, а как сумму материальных и психологических дивидендов. Идентичность также, как и другие институты, стремится максимизировать получение дивидендов.

Идентичности, подобно другим институтам, могут быть формальными и неформальными. Формальные идентичности поддерживаются силой государства, а неформальные складываются в результате как прямых интеракций индивидуумов, так и посредством не прямых интеракций, например, посредством воздействия внешней мягкой силы, в том числе и через современные средства массовых коммуникаций.

Зачастую некоторые формальные и неформальные идентичности могут быть близки и устойчивы, например, национальные идентичности, в государствах, где доминирует один этнос. В многонациональных государствах дистанция между формальными и неформальными идентичностями может быть разная – от достаточно большой до небольшой.

Примером большой дистанции может быть Югославия, с ее формальной югославской идентичностью, которая полностью отвергалась хорватскими националистами, считавшими, что она несет угрозу существованию хорватского народа. Примером небольшой дистанции между формальными и неформальными идентичностями обычно называют США с их «плавильным котлом», суть которого заключается в том, что дивиденды, которые дает американская идентичность, превосходят дивиденды, которая может дать неформальная идентичность.

Что же касается вопроса появления новых идентичностей, то он также связан с проблемой максимизации дивидендов. Обратимся вновь к Дугласу Нурту, который полагал, что новые институты появляются тогда, когда в обществе появляются новые возможности для получения прибыли, которые не дает действующая институциональная система, или получению которых она препятствует [1]. Это определение в полной мере касается и появления новых идентичностей.

Таким образом, можно сказать, что идентичности, как и другие институты, не статичны, а имеют динамичную, а также эволюционную и реверсивную природу. Под «реверсивной природой» (от англ. reverse, от лат. revertor – поворачиваю назад, возвращаюсь) понимается возвращение ранее устаревших или ослабленных типов идентичности и институтов, которые в исторически новых условиях могут вновь приносить дивиденды.

Стабильность некоторых идентификационных конструктов в институциональной системе координат можно объяснить, как заинтересованность всех акторов в сохранении действующих механизмов получения дивидендов. Соответственно идентификационный кризис – это кризис доминирующих типов идентичностей, а стагнация – неспособность социума и власти не только предложить новые формальные и неформальные идентификационные конструкты, но и активное препятствование эволюции идентификационных систем.

Со структурной точки зрения идентичность представляет собой **ассамбляж**, как концепт «плоской онтологии», в которой объекты рассматриваются как однопорядковые с онтологической точки зрения.

Для понимания природы «ассамбляжа» необходимо сопоставить его с подходом, основанном на метафоре организма. М.Деланд в своем произведении «Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность» указывает, что в основе организмической теории лежит метафора организма с ее специфическими отношениями между частями и целыми, – «целыми, образующими бесшовные тотальности или отображающими органические единства».

Ключевым понятием организмической теории является отношение интериорности, т.е. «части-компоненты конституируются отношениями с

другими частями в этом целом» и «отделенная от целого часть перестает быть собой, так как быть частью [целого] – это одно из конституирующих ее свойств». При этом, «целое, составные части которого самодостаточны и находятся в отношениях экстерности, не обладает органическим единством». Таким образом, целостности, согласно М.Деланде, являются «запутанными единствами, части которых находятся в отношениях строгой взаимной детерминации» [2].

В свою очередь ассамбляж выстраивается на принципиально иной системе отношений, отличной от бесшовной тотальности. М.Деланда заимствует этот термин у Жюлья Делёза, называя «ассамбляжи», – целостностями, для которых характерны отношения экстерности. Они состоят из «гетерогенных частей любой природы, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами».

Подобные отношения предполагают, что «составная часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, с иными формами взаимодействия». Части ассамбляжа обладают определенной автономией, а части и целостности обладают равной реальностью, что «налагает запрет как на сведение целого к сумме частей, так и на выведение частей из целого: любое отношение между ассамбляжами или «внутри» ассамбляжей – отношение внешнее».

М.Деланда прибегает к метафоре «орхидеи и осы» (растения и насекомого-опылителя). Их симбиоз – это отношения экстерности между «самодостаточными компонентами, которые могут стать обязательными в ходе ко-эволюции». Симбиоз ассамбляжа противопоставляется синтезу органицизма. В ассамбляже отношения могут быть лишь контингентно обязательными.

Наряду с экстерностью отношений, Деланда вводит еще 2 измерения ассамбляжа. Первое измерение (ось) отмечает «вариативные роли компонентов ассамбляжа – от чисто материальной роли на одном конце оси до чисто экспрессивной на другом». Эти роли не только вариативны, но и могут смешиваться между собой, что приводит к тому, что «определенный компонент может играть смешанную материально-экспрессивную роль, используя разные наборы способностей».

Второе измерение определяет вариативные процессы или как «территоризацию», т.е. процессы, которые «способствуют стабилизации идентичности ассамбляжа, повышая степень внутренней однородности или степень четкости его границ», или как «детерриоризацию» – процесс, дестабилизирующий идентичность ассамбляжа.

М.Деланда подчеркивает, что «один и тот же ассамбляж может содержать как компоненты, способствующие стабилизации его идентичности, так и компоненты, побуждающие его меняться или даже трансформироваться в другой ассамбляж. На самом деле один и тот же компонент может участвовать в обоих процессах, используя разные наборы способностей» [2].

Нужно отметить, что понятия «материальности» и «экспрессивности» во многом переосмысливаются нами в рамках исследования идентичности именно сквозь призму теории институтов с их возможностью генерации дивидендов для индивидуума или групп индивидуумов. «Материальность» понимается как нечто приносящее материальные дивиденды, а «экспрессивность» же понимается с психологической точки зрения, как эмоциональное состояние. Экспрессивность связана со способностью ассамбляжа приносить психологические/эмоциональные дивиденды. Поэтому, экспрессивность заменяется нами на более подходящий к исследуемому вопросу идентичности термин «психологические дивиденды».

Для понимания различий приведем описание материальности и экспрессивности у М.Деланды в изложении Виктора Вахштайна. Российский социолог приводит следующее объяснение: «В таком ассамбляже как приватный разговор двух людей материальную роль играет взаимная ориентация их тел. Разговор по телефону предполагает, что телефон встраивается в этот ассамбляж, но тоже как материальный компонент. К экспрессивным же характеристикам ассамбляжа «разговор» будет относиться поза, мимика, одежда говорящих, а также содержание разговора и его тема» [3].

Проникновение внешних идентификационных конструкторов в Центральную Азию

Принимая во внимание вышесказанное, попробуем рассмотреть сегодняшнюю ситуацию с идентичностями в Центральной Азии сквозь призму проникновения некоторых идентификационных ассамбляжей, сформировавшихся в других культурных средах.

Прежде всего, стоит отметить идентификационный ассамбляж «свободного мира», осью которого является группа идентификационных ассамбляжей, сформировавшихся в США и Западной Европе. Влияние данного вида идентичности в Центральной Азии распространяется как на богатый и средний класс урбанизированных жителей стран региона, так и на представителей рабочего класса.

Концепт свободного мира является классическим ассамбляжем, содержащим в себе в качестве элементов либеральную демократию, свободный рынок, американскую и, шире, западную мифологию и идеологемы, как самостоятельно существующие ассамбляжи. Действуя на территории Центральной Азии, идентификация «свободного мира» входит в контакт с коренными системами идентичности, образуя новые ассамбляжи на основе симбиоза.

Вариаций подобных новых ассамбляжей довольно много, начиная от явной идентификации человеком себя с западным цивилизационным пространством, когда локальные идентификационные ассамбляжи оттесняются на отдаленную периферию, и заканчивая семи-латентной и латентной идентификацией, выраженной, например, в стремлении написать вывеску на своем магазине на английском или европейских языках, чаще всего, итальянском и французском. Этот эффект хорошо виден в центральных районах Ташкента, которые проходят через этапы реновации или джентрификации, и где отмечается доминирование англо-, итальяно-, франкоязычных вывесок и названий.

Ассамбляж свободного мира отвечает критериям территориализации. Его популярность в ЦА напрямую связана с довольно значительным количеством извлекаемых индивидуумом материальных и психологических дивидендов. Стабилизации и внутренней гомогенности подобного

идентификационного ассамбляжа способствует, к примеру, возможность выиграть Green Card и уехать на работу в США. В Узбекистане одним из индикаторов его территориализации является факт стабильного вхождения страны в число мировых лидеров по числу полученных Green Cards. По итогам 2022 года, страна заняла третье место в мире с показателем 5511 победителей после Египта и Алжира [4].

Еще одним индикатором территориализации ассамбляжа «свободного мира» может служить показатель незаконного пересечения мексиканской границы с целью попасть в США. С октября 2021 года по октябрь 2023 года в США были задержаны более 13 тысяч граждан Узбекистана при попытке незаконного пересечения границы. При этом неизвестно, сколько узбекских граждан смогло успешно пересечь границу. Это стало третьим показателем после Турции (задержано 30830 граждан) и Мавритании (15594) [5].

В качестве психологических дивидендов можно отметить эффект сопричастности представителя городского среднего класса к американским или европейским культурным мифам различного уровня осознанности, который он получает, к примеру, сидя в кафе с иностранным названием и предлагающем американско-европейский ассортимент продуктов и блюд.

Ассамбляж «свободного мира» весьма динамичен в том плане, что его вхождение в культурное и идентификационное пространство Центральной Азии постоянно сопровождается привнесением новых трендов, генерируемых в западном культурном пространстве. Среди последних трендов, способствующих территориализации ассамбляжа «свободного мира» среди богатого и среднего класса ЦА, можно назвать quiet luxury, «тихую» или «сдержанную роскошь», ставшую трендом в мире моды, благодаря популярному американскому сериалу «Succession» («Наследники»). При этом элементы, демонстрирующие снижение уровня производимых материально-экспрессивных дивидендов и, тем самым, дестабилизирующих идентичность ассамбляжа (детерриториализуя его), успешно выводятся из него или уходят на периферию. Так, отмечается уход на периферию таких направлений современной западной моды как хипстерская мода или postcore.

Таким образом, ассамбляж «свободного мира» в Центральной Азии и Узбекистане, в частности, показывает достаточно высокий уровень стабильности благодаря сбалансированности процессов территориализации и детерриторизации, что напоминает «созидательное разрушение» Йозефа Шумпетера, т.е. ассамбляж непрерывно реконструируется изнутри, разрушая старые связи и производя сборку новых, тем самым, поддерживая внутреннее равновесие через динамические изменения. Созидательное разрушение можно противопоставить «догме» или отсутствию баланса между территориализацией и детерриторизацией в ассамбляже.

Отличительной чертой проникновения идентификационного ассамбляжа «свободного мира» в Центральную Азию является создание им ко-эволюционного эффекта в связке с локальными идентификационными ассамбляжами и их элементами. В Узбекистане это можно проследить на примере тенденций в сфере национального культурного наследия.

В течение первых двух десятилетий XXI века в стране произошло возрождение искусства производства национальных тканей, таких как калами, алоча, бекасаб, адрас, пасма шои, атлас, хан-атлас и другие. Также произошло их открытие для мирового мира моды благодаря узбекским дизайнерам и модельерам, ментально встроенных в пространство ассамбляжа узбекской идентичности и «свободного мира», а также их западным коллегам. В результате произошла ко-эволюция двух ассамбляжей – ассамбляж «свободного мира» обогатил идентификационный ассамбляж «узбекская идентичность» и наоборот.

Говоря об идентификационном ассамбляже «свободного мира», нужно иметь в виду, что в последнее время резко ускорились процессы глобальных геополитических трансформаций, ставящих под удар идентификационные конструкты, рожденные в рамках американоцентричного мирового порядка. Также отмечается быстрое изменение технологического базиса мировой экономики из-за Четвертой промышленной революции, конкуренцию за лидерство в которой ведут США, Китай, Европейский Союз, Индия, Япония, Южная Корея и др. Технологическое развитие, как минимум с начала XIX века, когда в результате индустриализации в Западной Европе появилась положительная корреляция между технологическим развитием, богатством и демократией, серьезно влияет на формирование идентичности [6]. Так, осознание технологического лидерства своей

страны включено в качестве элемента в идентификационные ассамбляжи США, Японии, Южной Кореи.

В этой связи новая геополитическая и технологическая эпохи ставят вопрос о том, сможет ли ассамбляж «свободного мира» сохранить свои позиции в странах Центральной Азии, или его потеснят или даже вытеснят другие внешние идентификационные ассамбляжи, такие как китайский, индийский или южнокорейский. Между тем, ассамбляж «свободного мира» не является единственным внешним игроком, действующим сегодня на идентификационном поле Центральной Азии. Конкуренцию ему составляют ассамбляжи, приходящие из культурных пространств Ближнего Востока и Турции и которые накладываются на набирающий популярность в регионе постсекулярный тренд.

Ближневосточные идентификационные ассамбляжи можно, условно, разделить на Эмиратский и Саудовский. Эмиратский идентификационный конструкт основывается на быстро трансформирующейся в последние десятилетия идентичности Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), которую современные арабские исследователи характеризуют как гибриды арабской и англоязычной культур. Гибридизации способствуют несколько факторов.

Первый из них, это быстрый прирост численности экспатов. В 2023 году соотношение экспатов и коренных жителей в ОАЭ составило 9 млн. чел (88,52%) и 1,11 млн. чел (11,48) соответственно. Наиболее крупные группы экспатов составляют индийцы (27,49%), пакистанцы (12,69%), филиппинцы (5,56%), египтяне (4,23%) и другие (38,55%) [7]. Естественно, что это вызывает необходимость использовать *lingua franca*, роль которого выполняет английский язык.

Вторая причина – это стремление элиты ОАЭ построить ультрасовременное технологически продвинутое государство с привлечением научных и технологических ресурсов из развитых стран, в первую очередь, западных, и при этом сохранить свои арабские и мусульманские традиции.

Как отмечает исследователь идентификационных процессов в ОАЭ, преподаватель Американского университета Шарджи Салем Аль-Кассими, новый гибриды местной арабской и англоязычной культур получил

название Arabish. По его словам, первоначально он, как и многие его соотечественники, отрицали новую идентичность. Однако затем он изменил свое мнение. «Мне это угрожало, и я боялся принять происходящую культурную трансформацию. Сегодня я рассматриваю эту трансформацию как неизбежный процесс, который необходимо принять. Я считаю, что ОАЭ не теряют свою идентичность, а создают яркую новую», – подчеркивает Шарджи Салем Аль-Кассими [8].

Будучи гибридом, современный эмиратский идентификационный ассамбляж, проникая в Центральную Азию, создает ассамбляж с местным традиционалистским, умеренно-исламским идентификационным конструктом, который в регионе являет собой пример реверсного тренда (возвращается как источник дивидендов). Территоризации этого конструкта способствуют получаемые психологические и материальные дивиденды. Образ ОАЭ и, особенно Дубая, можно интерпретировать как аллюзию на золотой век мусульманской цивилизации (VIII-XIII вв.), когда она была политическим, экономическим и научно-технологическим центром мира.

Образ Дубая становится ориентиром для центральноазиатских сторонников создания такого же гибрида локальной культуры, традиционализма и свободного мира на местной почве из высшего и среднего классов. Если проанализировать узбекский сегмент Интернета, то можно заметить, что пользователи постоянно используют сравнение происходящих изменений в облике Ташкента с Дубаем.

Можно вспомнить в этой связи также бывшего мэра Ташкента Джахонгира Артыкходжаева, который в 2022 году на брифинге, посвященном развитию туризма, провел сравнение столицы страны именно с Дубаем. По его словам, «сегодняшний Ташкент лучше, чем был Дубай в 1994 году. В этом я уверен. Дубай принимает до 80 млн туристов, мы должны стремиться к тому же. Они не полагались только на нефть... Возможно, сложно достичь уровня Дубая, но, если будем мечтать об этом, разве хотя бы частично не сможем?» [9].

Саудовский идентификационный ассамбляж находит своих последователей в основном в среде мелкого и среднего бизнеса, через наложение на реверсивный тренд локального ислама ближневосточной/арабской версии этой религии. Отличительной особенностью данного

ассамбляжа является переход с локального на арабский дресс-код, увеличение количества арабских слов в бытовой речи, магазинов и кафе мусульманской направленности, и минимизация восприятия или полное отвержение идентификационного ассамбляжа «свободного мира». Материальные и экспрессивные дивиденды извлекаются сторонниками этого ассамбляжа, главным образом, из институтов локальной социальной солидарности, на основе которых выстраиваются коммерческие, дружественные и родственные связи.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть условность названия этого идентификационного ассамбляжа «саудовским», учитывая, что при наследном принце Мухаммеде ибн Салмане Саудовская Аравия постепенно идет к адаптации Эмиратского идентификационного ассамбляжа.

Важным игроком на центральноазиатском идентификационном поле выступает турецкий идентификационный ассамбляж. Он демонстрирует способность к трансформации, особенно с приходом к власти Реджепа Эрдогана, который продвигает идеологию неоосманства. Неоосманство образует сложный ассамбляж с центральноазиатскими идентификационными концептами по трем следующим направлениям: 1. Общeturкская идентичность; 2. Исламская идентичность; 3. Светская идентичность в виде наследия Ататюрка, так и усвоенного Турцией ассамбляжа «свободного мира».

Турецко-центральноазиатские ассамбляжи позволяют их носителям одновременно идентифицировать себя в нескольких культурно-исторических измерениях, что дает им возможность извлекать материальные и экспрессивные дивиденды.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что процесс вхождения внешних по отношению к Центральной Азии типов идентичности с высокой степенью вероятности может интенсифицироваться по мере отхода мира от однополярной структуры управления в сторону многополярности или «беспольности» Ричарда Хааса.

Уже сегодня мы видим, как в регионе пытаются закрепиться новые игроки в лице южнокорейских и китайских идентификационных ассамбляжей, которые в значительной степени впитали в себя элементы ассамбляжа «свободного мира». Южнокорейская идентичность оказывает все большее влияние на молодое поколение жителей стран ЦА из урбанизированного среднего класса посредством экспансии корейской поп-культуры (K-pop). Наблюдаемая быстрая трансформация китайской массовой культуры, особенно, кинематографа, и рост числа центральноазиатских студентов, обучающихся в университетах Китая, создают условия для закрепления китайского идентификационного ассамбляжа в культурном пространстве региона.

Дальнейший прогресс Южной Кореи и Китая в направлении развития технологий Четвертой промышленной революции и втягивание ими Центральной Азии в орбиту своего технологического влияния может придать дополнительный импульс расширению влияния их идентификационных ассамбляжей, поскольку этот процесс будут сопровождаться созданием новых источников генерации материальных дивидендов, что является одним из условий вступления внешнего ассамбляжа в симбиоз с локальными и последующей его территориализации в другом культурно-идентификационном пространстве.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
2. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 170 с.
3. Вахштайн В. Город как ассамбляж: к теории гетерополиса // Социология власти. – Т.33. – № 4 (2021). – С. 35–54.
4. Объявлено количество победителей лотереи Грин Кард. Узбекистан на третьем месте // Kun.uz. – 2022. – 21 сентября // <https://kun.uz/ru/news/2022/09/21/obyavleno-kolichestvo-pobediteley-loterei-grin-kard-uzbekistan-na-tretem-meste#:~:text=>
5. В США за два года задержали более 13 тысяч граждан Узбекистана при попытке нелегального въезда // Gazeta.uz. – 2023. – 13 октября // <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/13/us-border/>
6. Махмудов Р. Гипотеза Липсета и Фукуяма и их верификация на примере современного Китая // Вестник Удмуртского Университета. Социология. Политология. Международные отношения, 2022. – Т. 6. – Вып. 4. – С. 439–450.

7. United Arab Emirates Population Statistics 2023 // Global Media Insight, 2023 // <https://www.globalmediainsight.com/blog/uae-population-statistics/>
8. Salem Al-Qassimi. Arabish: The Cultural Transformation of the UAE // Medium.com. – 2015. – May 25 // <https://medium.com/@salqass/arabish-arabic-and-english-the-cultural-transformation-of-the-uae-a9c678d5bc76>
9. «Сегодняшний Ташкент лучше Дубая 1994 года» – хоким города // Anhor.uz. – 2022. – 10 августа // <https://anhor.uz/news/dubai/>